

Вторичная номинация: новые перспективы исследования

В статье дается теоретическая оценка нового подхода к рассмотрению вопроса вторичной номинации и определению перспективы его развития

The article deals with the theoretical estimation of the new approach to the examination of the question of the second nomination and the definition of the perspective of its development

Ключевые слова вторичная номинация, семантика, стилистика, семиотика, этимология

Key words second nomination, semantics, stylistics, semiotics, etymology

Обращение в рамках предлагаемой статьи к известному явлению вторичной номинации вызвано появлением достаточно новых подходов к изучению прагматического аспекта этого лингвистического феномена. В теории номинации подробно описан механизм вторичного наименования, который базируется на таких стилистических явлениях, как метафора, метонимия, эвфемизм, гипербола, табу и пр. Чаще всего природа этого явления объясняется «семантическим изнашиванием» определенных лексических единиц. Во избежание «усталости» от привычных форм пользователи языка целенаправленно заменяют их новыми. Несмотря на продолжительную историю этой проблемы, за пределами рассмотрения (в духе традиционного языкознания) чаще всего остаются вопросы предназначения и функциональной сферы вторичных имен, а также механизм их «глубинной» семантики.

Для успешного проникновения в эту семантическую сферу целесообразно остановиться на предварительном рассмотрении понятий «языковой символ» и «эталон», которые релевантны дальнейшему развитию теории изучения вторичной номинации с позиций этимологии.

Известно, что для вербальных форм отражения окружающей действительности значимо использование материальных образных объектов или их групп в качестве символических посредников репрезентации определенного абстрактного смысла. В основе знакового отображения абстрактных смысловых значений лежит идея о возможности свертывания информативного содержания в образе. Кодирование в знаковых системах, представляясь удобным способом имплицитирования желаемой информации, направлено на облегчение условий поиска и адекватной реализации обрат-

ного процесса в условиях вербальной коммуникации. К примеру, бытовая символика не требует от индивида духовного или мыслительного напряжения, связанного с кодированием/декодированием семантического содержания языкового знака.

Особенность невербальных образов (символов) состоит в их способности пробуждать духовный потенциал воспринимающего субъекта. Т. В. Симашко приводит следующее замечание Э. Б. де Кондильяка, полагавшего, что «в языке долгое время не было других слов, кроме названий, данных чувственно воспринимаемым предметам, таких слов, как *дерево, плод, вода, огонь* <. .> По мере того, как люди становились способными анализировать, размышляя о различных восприятиях, имевших место в их душе, они придумывали знаки для более простых идей. Когда у них имелась, например, идея *дерева*, они создавали идеи *ствола, ветви, листа, зелени* и т. д. <...> Когда обстоятельства заставили обращать внимание на новые объекты, тогда искали то, что у них было общего с объектами, ранее известными, относили их к этому же классу и пользовались одними и теми же названиями для обозначения и тех, и других. Таким образом, идеи знаков становились более общими, но это происходило лишь мало-помалу, до самых абстрактных понятий доходили лишь постепенно» [Цит по: 9, с. 90-97].

Основным признаком невербальных символических форм является их статичный характер. При этом следует иметь в виду, что символ – это застывший образ, который наделен закрепленным за ним значением, поиски которого хотя и могут занимать у индивидуума какое-то время, но ничего не прибавляют к его знаниям о себе или окружающей его действительности. Это значение «не обладает когнитивным смыслом» [6, с. 65]. Невербальные символы, базирующиеся на определенных образах, ведут образную основу «в сторону стабилизации формы» [3, с. 337].

Обратную позицию занимают языковые символы, которые ведут образ в сторону смысла. Обладая способностью концентрировать информацию в образе, они ориентируются на эмоциональную сторону восприятия человеком действительности. В отличие от материальных символов эти единицы имеют ряд существенных особенностей. Если невербальный символ представляет собой статичный визуальный образ, подстановочный элемент, воплощающий чувственную сторону человеческого сознания, то языковой символ обладает способностью создавать новые смысловые значения и, следовательно, апеллирует не столько к чувствам, сколько к разуму. Так, не символическое маркирование, а поиск средств, позволяющих преобразовать наши знания и представления о предмете мысли, составляют потенциал значений языковых символов. «Языковой образ не тождествен чувственно-предметному образу: первый можно «увидеть» только внутренним взором, второй – отражение в нашем сознании реального предмета» [1, с. 47].

Известно, что многие языковые символы основаны, как правило, на метафорических и метонимических конструкциях, содержащих в своей ос-

нове образ. Даже метонимические переносы, которые в большей степени ориентированы на статичный способ образования – по смежности, – сходный с образованием символических образов, обладают информативным смыслом, выделяя в объекте существенную деталь и направляя наше сознание по определенному пути его осмысления. Однако следует четко разграничивать понятия метафора, метонимия и языковой символ, между которыми как формами реализации образного потенциала имеются существенные различия, на что указывает в частности У. Эко. По его словам, не все средства вторичной номинации являются символами, а лишь те, которые обладают в семиотическом плане скрытым или зашифрованным смыслом [12, с. 204].

Рассмотрим различия в понятийном содержании указанных терминов. «Метафора делает ставку на аналогию и вытекающее отсюда значение» [2, с. 23]. Для языкового символа же, напротив, основополагающим является идея. Изобразительная метафора одномерна, не обладает двухсубъектной полярностью значений. Образ, приобретающий символическое значение, является образом-обобщением (чаще всего содержащим в себе даже и полярные характеристики, например, змея как олицетворение мудрости и коварства одновременно: *klug wie eine Schlange* (букв. 'мудрая, как змея') и *falsch wie eine Schlange* (букв. 'коварная, как змея')), «метафора же, напротив, – это образ-индивидуализация» [2, с. 23].

Поскольку языковые символы основаны в ряде случаев на метонимических или метафорических переносах, то часто их можно интерпретировать и как метафору или метонимическую конструкцию. Однако и в этом случае решающим остается тот момент, что основной акцент здесь ставится все же на идею, выражаемую представляемым образом, образной картинкой, а не на саму визуальную форму предмета.

Существенным отличием символа от разного рода стилистических фигур является его повторяемость. Символ способен актуализировать древние образы и представления, постоянно возникающие в сознании индивида и имеющие распространение в культуре, за которыми возникают картины «коллективного бессознательного» творения (мифология, сказания, фольклор и т. п.). Заметим, что в ходе осмысления предметов реальной действительности в сознании носителей языка наряду с сигнификативным понятием, отражающим их сущностные характеристики, присутствует коннотативное содержание, обуславливающее ассоциативное соотнесение предмета с закрепленным за ним предикативным (ассоциация по смежности) или квалифицирующим (ассоциация по сходству) признаком. Наличие коннотата обеспечивает адекватность восприятия абстрактного понятийного содержания признакового характера на ментальном уровне при его хранении, воспроизводстве и трансформации из одной языковой формы (или из одной языковой системы) в другую. Коннотаты образуют понятийную базу для последующих метафорических и метонимических переносов. Однако существенным моментом здесь явля-

ется то, что коннотативное значение языкового символа, как замечает В. Нёт, это не дополнительное значение к прямому денотативному значению слова, а скорее наоборот, главное значение, составляющее основной план содержания этой единицы [16, с. 118].

Таким образом, языковые символы – это культурно-языковые единицы, то есть другой метаязык, связанный с культурными и символическими характеристиками, образующимися путем метафоризации значения. Подобный лексический массив может быть обозначен как «ключевые слова культуры», то есть название класса слов, которые несут в своем значении код к пониманию специфики культуры [7, с. 98]. А. Вежбицкая в своих работах также указывает на то, что в нейтральных единицах лексикона кроется специфика культуры [4; 5]. В качестве метаязыка в описании культурно-лингвистических норм А. Вежбицкая предлагает использовать семантические примитивы, то есть слова естественного языка, при помощи которых можно толковать значения всех остальных слов, выражений и даже предложений, отказываясь от категорий герменевтики. Семантические примитивы в понимании автора это элементарные смыслы, лексикализованные во всех языках в виде семантически неразложимых единиц и соотносящиеся друг с другом как эквиваленты. При этом А. Вежбицкая приводит следующий список семантических примитивов:

имена существительные: *я, ты, кто-то, люди;*

детерминаторы: *этот, тот же, другой;*

квантификаторы: *один, два, много, мало, все;*

ментальные предикаты: *знать, хотеть, думать, видеть, слышать;*

речь: *говорить,*

действие, событие, движение: *делать, случаться, двигаться;*

существование, жизнь: *иметься, жить;*

оценочные: *хороший, плохой,*

дескрипторы: *большой, маленький,*

пространство: *где, сторона, внутри, далеко, близко, сверху, снизу;*

время: *когда, после, до, долго, быстро,*

таксонимические, партонимические: *вид, часть,*

интенсификатор: *очень, больше;*

сходство: *подобно;*

каузальные союзы: *если, если... бы, потому что;*

каузальные операторы: *не, возможно;*

метапредикат: *мочь* [5, с. 239].

Именно этот аспект вторичной номинации в определенной мере учитывает современная лингвокультурология. Так, Г. Токарев предложил подойти к объяснению механизма образования вторичных имен с позиций изучения квазиэталонов. По его представлению, квазиэталоны являются «языковыми символами, которые не имеют материального воплощения в культуре, а выступают как референты, замещающие реальное имя идеей» [11, с. 148]. Эти единицы выступают во вторичной функции в том смысле,

что они, абстрагируясь от материального, начинают представлять абстрактное содержание. В силу этого к понятию «эталон» прибавляется приставка квази- (от латинского *quasi*), соответствующая по значению словам «мнимый», «ненастоящий». Эта приставка указывает на специфику семантики подобных лексических единиц, которая состоит в том, что слово в этом значении указывает не на обозначенный предмет (денотат), а на идею, представленную образом предмета. При этом мысль формируется не на основе объективного представления некоего образа, а на основе семиотически переосмысленного видения природы какого-либо образа. В. Н. Телия отмечает, что в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль квазисимвола заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Словоизначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не собственный референт слова, а ассоциативно замещает некоторую идею [10, с. 243-244]. Квазиэталон понимается как единица лексического уровня языка с функцией вторичной номинации, формируемая на основе переноса обозначения в процессе метафоризации, метонимизации, установления смежности и тождества признаков. Это стереотипизированное явление, характерное для любой культуры. Важным является соотнесение его с содержанием передаваемой им культурной информации. В качестве частного замечания следует упомянуть включаемые в состав квазиэталонов нем. *ein lockerer Zahn* (букв *расшатанный, шаткий зуб*) – разг фам 'гуляка, ветрогон'. Зубы в таком состоянии очень слабы, ими нельзя есть, они могут сломаться, выпасть. Так и мужчина, ведущий разгульный образ жизни, очень ненадежен в семейных отношениях и прочих делах. Его качает из стороны в сторону, из одного значного места в другое, от одной женщины к другой) и нем. *eine alte Zange* (букв *старые щипцы*) – разг фам презр 'скандальная, злобная баба'

Если обратиться к этимологии слова *Zahn*, то можно установить очень интересный факт. Это слово датируется VIII веком и восходит к корню и.-е. **dōnt-*, **dnt-* „Zahn“, который представляется партиципной формой и.-е. корня **ed-* „essen“ [13, с. 1260]. Отсюда вытекает семантическое родство существительного с *Zange*. Последнее этимологически связывается со значением «кусать»: VIII века, днвн. *zanga*, свн. *zange*, дрс. *tanga*; от герм. **tangō* „Zange“, от и.-е. **den-* „beißen“, то есть „Beißende, Werkzeug zum Beißen“ „кусающийся, инструмент для кусания“ [14, с. 737]. При этом прослеживаются гиперонимические отношения этих лексических единиц: «кусать» (относящееся к характеристике женщины) представляет собой *pars pro toto* более существенного процесса «есть». Таким образом, на уровне исходных семантик немецких существительных в гендерном аспекте прослеживается когнитивное превалирование мужчин над женщинами.

Следует заметить, что аспект системных отношений подобного рода до настоящего времени не исследовался. Современная лингвистика знает множество примеров гендерных изучений, однако конкретные исследова-

ния, затрагивающие лингвокультурологический аспект проблемы развития вторичных имен антропонимов, довольно немногочисленны. Более того, обращение к этимологическому фактору этих имен практически отсутствует. В этих исследованиях и следует усматривать основной ресурс изучения вторичной номинации. Этот ресурс важен в сопряжении с другим аспектом вторичных имен. Известно, что среди антропонимов исключительно широко представлена вторичная зоонимическая лексика. Зоонимы, понимаемые как класс языковых единиц, обозначающих животных, входят в метаязык лексикографических материалов. В бытовом понимании животные – это класс четвероногих наземных позвоночных (млекопитающих, пресмыкающихся, земноводных). В научном понимании этот термин трактуется в духе латинского *animalia*. Поэтому к *животным* как к гиперониму относятся такие частные гипонимы, как мамалогический класс (наименования млекопитающих), орнитологический (названия птиц), инсектологический (имена насекомых), ихтиологический (названия рыб и водных животных), серпентологический (обозначения пресмыкающихся) и т.п. Зоонимы, метафорически перенесенные в антропологическую лексику, обретают статус зооморфизмов. Следует иметь в виду, что зооморфизмы наиболее отчетливо проявляют свое смысловое содержание в различного типа фразеологических единицах (ср. приведенные выше примеры). Но в силу центрального места, которое зоонимы занимают в менталитете человека, зооморфизмы принято считать представительным классом языковой лексики, репрезентирующим культурную специфику этноса.

Референциальное значение зоонимов включает знание прототипических сценариев, обусловленных опытом человека. Например, *собака* – друг человека (позитив), *змея* – может ужалить (негатив). Именно эти коннотации, разумеется, с варьированием в положительную или отрицательную сторону и ложатся в приращенном к основному значению виде в основу переноса наименования. Однако заметим, что прототипические сценарии зачастую подвергаются критике за абсолютное преобладание в них стереотипов. Примером правомерности этой критики является расхождение трактовки символики инсектологизма *жук* и его исходного значения. Известно, что образ *жука* стал квазиэталоном красоты у носителей немецкого языка и культуры, так как несмотря на его маленькие размеры, но часто очаровательный внешний вид, он всегда привлекает к себе внимание. Так, М. Луркер указывает, что в символьном плане большую роль играет *Marienkäfer* (букв. *жук Марии* – *божья коровка*), являющаяся воплощением красоты (красный окрас), доброты, счастья (семь черных точек на ее «теле»), солнечного света [15, с. 365]. В действительности немецкое существительное *Käfer*, известное с IX века в древневерхненемецком в форме *kevuro keviro kevero*, имело первоначальное значение «Fresser» [14, с. 137]. Поэтому трудно провести в рамках прототипического сценария «параллель» между исходным значением этимона и композитного зооморфизма. Этот пример показывает, что зоонимы выступают проблемным и не всегда предсказуемым

классом языковых единиц, обнаруживающих в речи выраженную тенденцию к «обрастанию» идиоматикой, специфичной для конкретного языка.

Подобному анализу может быть подвергнута проблематика флоронимов, широко представленных в функции вторичных обозначений человека. Однако мы умышленно опускаем его, поскольку флороморфизм не отличается от зооморфизма в своем сущностном «механизме». Отличие здесь состоит лишь в выборе семантико-стилистических оснований для переноса имени.

Таким образом, можно выделить новый подход к изучению вторичных имен, который интегрирует лингвистический аппарат современной лингвокультурологии и традиционной этимологии. Этот подход способен достаточно отчетливо выявить базовую основу лингвистической куратории, которая трактуется нами как комплексный посредник между замыслом высказывания и его речевой реализацией в конкретной коммуникативной ситуации.

Список литературы

- 1 Алефиренко Н Ф Проблемы вербализации концепта – Волгоград Перемена, 2003
- 2 Арутюнова Н Д Метафора и дискурс // Теория метафоры / под ред Н Д Арутюновой и М А Жирмунской – М Прогресс, 1990 – С 5-32
- 3 Арутюнова Н Д Язык и мир человека – М Языки русской культуры, 1999
- 4 Вежбицкая А Язык Культура Познание – М Русские словари, 1996
- 5 Вежбицкая А Сопоставление культур через средство лексики и прагматики / пер с англ А Д Шмелева – М Языки славянской культуры, 2001
- 6 Глазунова О И Логика метафорических преобразований – [Электронный ресурс] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Glaz/35.php
- 7 Нелюбин Л Л Толковый переводоведческий словарь – М Флинта Наука, 2003
- 8 Овсянников В В Модальность и перевод монография / под ред Е В Овсянниковой – Запорожье Освіта, 2011
- 9 Симашко Т В Принципы структурирования совокупного знания о мире природы / Т В Симашко // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира Сб научн трудов – Архангельск Поморский университет, 2007 – С 90-97
- 10 Телия В Н Русская фразеология семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты – М Языки русской культуры, 1996
- 11 Токарев Г В Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) Монография – Волгоград Перемена, 2003
- 12 Eco U Semiotik und Philosophie der Sprache – Munchen Fink, 1985
- 13 EWD Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Leit W Pfeifer – Berlin Akademie-Verlag, 1989 – Bd 1-3
- 14 Kluge F Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache – 24 Aufl / bearb von Elmar Seebold – Berlin, New York de Gruyter, 2002
- 15 Lurker M Lexikon der Gotter und Dämonen Namen, Funktionen, Symbole, Attribute 2, erw Aufl – Stuttgart Kroner, 1989
- 16 Noth W Handbuch der Semiotik – 2, vollst neu bearb und erw Aufl – Stuttgart [u a] Metzler, 2000